

Ю. В. Иванова

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Петр Федорович Преображенский

3 мая 1994 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Петра Федоровича Преображенского. Историк, специалист по истории культуры античного времени, исследователь раннего христианства, этнолог, автор работ по истории международных отношений, лектор Московского университета, Института красной профессуры, Университета им. Свердлова, Военно-педагогической академии и многих других вузов, сотрудник Большой Советской энциклопедии, блестящий популяризатор науки, критик и библиограф и, наконец, автор изящной маленькой книги стихов «Semper idem» («Неизменно тот же») — лирики в духе «Серебряного века» русской литературы — трудно поверить, что все это относится к одному лицу и более того — к молодому человеку, прожившему всего 47 лет. Научная деятельность П. Ф. Преображенского началась в 1919 г., когда после окончания историко-филологического факультета Московского университета (1915 г.) и сдачи магистерских экзаменов (1917 г.) под руководством проф. Р. Ю. Виппера он занял

место профессора Самарского университета. Оборвалась эта деятельность в 1937 г. арестом. 3 декабря 1941 г. он был расстрелян.

За 18 лет творческой деятельности за подписью Преображенского были опубликованы 2 книги и около 80 печатных работ различного направления. Имя этого замечательного человека долгое время замалчивалось. 30 лет назад его восстановили историки античного времени¹. Следует восстановить это имя в этнографической науке.

Конец 1920-х — начало 1930-х годов было сложным, переломным периодом в истории российской этнографической науки. В 1918 г. в Географическом институте при Петроградском университете было основано этнографическое отделение. Позже оно функционировало на Восточном факультете этого университета. Журнал «Этнография», издававшийся с 1926 г., возглавлял академик С. Ф. Ольденбург — маститый ученый, который еще в 1910 г. был председателем Комиссии по составлению этнографических карт России. Журнал отражал мнения специалистов относительно предмета этнографии как науки. Еще в начале века при большом различии в формулировках практически все сходились на том, что предметом ее служат законы развития человечества на низших ступенях культуры². Такого же мнения придерживались ученые и в последующие десятилетия³. Наряду с этнографией признавалось существование и науки этнологии. Ей придавалось более широкое содержание: она была призвана изучать историю культуры человечества в целом, включая и гражданскую историю.

На основе этих принципов в Московском университете (1-м МГУ, как тогда назывался этот вуз) был создан Факультет общественных наук (1919 г.), в его рамках — Этнологическое отделение (1922 г.) с кафедрой этнологии и социологии,

которая в 1923 г. была переименована в кафедру этнологии. С 1925 г. факультет назывался этнологическим (просуществовал до 1931 г.), в его составе было этнографическое отделение — наряду с литературным, историко-архивным и изобразительных искусств. При факультете работали археолого-этнографический музей и историко-этнологический кабинет⁴. Таким образом, понимание сути истории, археологии, этнологии и этнографии было довольно сложным и во многом отличалось от нынешнего понимания соотношения этих наук.

Именно в это сложное для науки время Петр Федорович Преображенский был профессором Московского университета (1921—1937 гг.). Он работал в качестве заведующего кафедрой общей этнологии, а также заведовал историко-этнологическим кабинетом, был членом президиума отделения. Этнологический факультет старался дать студентам широкое образование, построенное на междисциплинарном подходе, прикладные знания, подготовить их к научной работе и к практической деятельности в качестве краеведов, музейных и издательских работников, архивистов, а также (что для нас самое интересное) — работников культуры и политпросвещения среди национальных меньшинств нашей страны.

Верный своим принципам, стараясь избежать европоцентризма, П. Ф. Преображенский организовал две комплексных экспедиции в низовья Амударьи в районе Древнего Хорезма (1928 и 1929 гг.). Во второй экспедиции принимал участие его брат Сергей Федорович Преображенский — сотрудник Института антропологии МГУ — и несколько молодых людей, в их числе будущие известные ученые С. А. Токарев и С. П. Толстов. Экспедиции организовывала Российская академия научных исследователей общественных наук и, возможно, Комакademia: там в 1929 г. были доложены результаты экспедиции и была организована выставка добытых материалов; отчеты об экспедиции были опубликованы в периодической печати.

На этнологическом факультете проф. Преображенский читал курс под названием «История развития общественных форм». Надо полагать, что на основе стенограмм этого курса (которые записывала Б. И. Шаревская, ставшая впоследствии известным исследователем-этнографом) был написан учебник «Курс этнологии»⁵.

Главный теоретический тезис проф. Преображенского состоял в признании этнологии как части единого потока познания человечества — его истории и культуры. Этим, по его мнению, подтверждалась идея Гегеля о всемирной истории: «История есть часть этнологии, или наоборот, а самое правильное: поставить здесь просто знак равенства. Недаром „отец истории“, Геродот, был в то же время и с таким же правом „отцом этнологии“»⁶.

Будучи очень ответственным историографом, П. Ф. Преображенский не отказывался без подробного критического анализа от теоретических построений минувших эпох: «...только из синтеза классической эволюционной школы (Морган, Тэйлор) с достижениями школы культурно-исторической может возникнуть построение, базирующееся на месте истории как науки, — историческом материализме»⁷. Впоследствии эти попытки взять рациональные зерна от учений предшественников были названы эклектизмом и упреки такого рода сопровождали все критические высказывания в адрес ученого.

П. Ф. Преображенского часто причисляют к сторонникам теории «культурных кругов» Гребнера. Это не совсем так: Петр Федорович находил понятие «культурный круг» крайне неплодотворным. В построениях Гребнера, как и Ратцеля, он видел механическое соединение фактов. Для самого ученого предметом исследования служил «культурный комплекс», внутри которого его части, его элементы взаимозависимы, они поддаются ретроспективному анализу. В его научном арсенале сформулировано такое понятие, как «технично-хозяйственный ареал». Исследование комплекса культуры, сопряженного с конкретной территорией — ареалом распространения, должно подводить к решению проблемы формирования

этноса. Все это рассуждение достаточно логично и очень близко к современному понятию этнической культуры.

В соответствии с установками своего времени П. Ф. Преображенский ограничивал поле этнографических исследований культурами первобытного общества. Но он считал недопустимым употребление таких слов, как «первобытность», «дикость», возражая против деления народов на *Kulturvolker* и *Naturvolker*, настаивал на признании единства психо-физических особенностей людей разных культур и различных степеней общественного развития. В этом смысле ученый высоко ценил книгу Боаса «Ум первобытного человека», в которой американский исследователь защищал единство человеческого рода. Тех, кто составлял главный объект этнографических наблюдений, Петр Федорович предлагал называть «малокультурными» или «инокультурными» народами.

В духе этих теоретических построений и принципиальных тезисов написан главный этнографический труд профессора Преображенского «Курс этнологии». Книга делится на пять глав: 1. История науки. 2. Материальная культура. 3. Хозяйство. 4. Общество и его формы. 5. Идеологические связи общества.

В первой главе (с. 5—29) с академической скрупулезностью рассказано обо всех этапах развития знаний о культурах человечества, начиная от эпохи Древней Греции, от времени Великих географических открытий, деятельности католических миссионеров и колониальной администрации до становления научных теорий в XIX в., когда этнология оформилась в истинную науку.

Схемы эволюционистской этнологии не были поддержаны Преображенским. К построениям Моргана он отнесся весьма скептически, находя в его периодизации конкретные ошибки и слишком гипотетические построения. Труд Тайлора «Первобытная культура» назван им классическим, схема духовной эволюции человечества кажется ему логически обоснованной и приемлемой для науки XX в., хотя и Тэйлор, по мнению ученого, не избежал упущений, характерных для эволюционистской школы этнологов вообще. «Никакая религия, — утверждает П. Ф. Преображенский, — еще не сводилась к одной метафизике, к одному объяснению мира. Наоборот, во всякой религии элементы чувства и воли имели гораздо большее значение, нежели элементы объяснения»⁸. Разбирая последовательно работы Вундта, Фрэзера, Лэнга, ученый заключает, что эволюционистская теория чересчур узка и смотрит на предмет исследования предвзято, что она несостоятельна и с точки зрения исторического материализма, так как явления духовной культуры не связывает с материальной стороной быта и с хозяйством.

Гораздо больше импонируют ученому работы Ратцеля, которого он считает провозвестником нового для конца XIX в. исторического метода, а его книгу «Народоведение» — один из образцовых произведений описательной этнографии. Однако Преображенского не могли вполне убедить ни Гребнер, ни Ратцель с его теорией культурных заимствований, ни Фробениус с его культурной морфологией, которую он назвал рискованной метафизикой культуры. Как было сказано выше, он довольно жестко критиковал теорию «культурных кругов», указывал на слабость ее методологической основы, на недостаточно полную характеристику культурных комплексов, из которой выпадали сведения о хозяйстве изучаемых народов.

В заключение первой главы профессор Преображенский сформулировал проблемы современной ему этнологии, которые он считал наиболее существенными. Первой проблемой он назвал выявление культурного единства. Резко расходясь как с Гребнером, так и со Шмидтом, указывая на отсутствие внутренней связи между культурными элементами в их построениях, ученый предлагает свое понимание «культурного единства» (правда, этот термин он употребляет как уточненный синоним «культурного круга», что и ставилось ему в вину некоторыми критиками). Культурное единство «...не совпадает ни с единством лингвистическим, так как данная культура может выходить за пределы данной языковой группы или, наоборот, заключать в себе несколько языковых групп; это единство не совпадает также и с группой расовой, так как культура может

совпадать или не совпадать с распространением данного расового типа»⁹. Этнографы нашего времени не могут не ощущать в этом пассаже близкого подхода к концепции историко-этнографических областей.

Второй существенной проблемой проф. Преображенский считал механизм культурного взаимодействия (в отличие от этнологов времен Ратцеля, которые изображали перенесение культурных благ слишком механически). Он говорил о внедрении в культуру новых элементов разными путями и способами, о степени готовности данной культуры к восприятию нового. Если применять наши термины, то речь шла о соотношении традиций и инноваций, об информационных связях и о роли референтной группы.

«Лишь при изучении и фиксации отдельных культурных единств, соответствия отдельных культурных элементов и взаимодействия между отдельными культурами можно дать достаточные данные для построения необычайно сложной системы общей культурной эволюции человечества»¹⁰. Какой современный этнограф не подпишется под этим тезисом? Правда, этот тезис служил основой для вывода, нам непривычного: «В этом смысле этнология как наука включает в себе всю историю, которая является лишь частью в общей сумме этнологического знания»¹¹. Но если вспомнить идеи Гегеля, который объединял в едином процессе весь естественный, исторический и духовный мир, и если учесть, что в то время в науке и учебных планах МГУ была принята знаменитая анучинская триада — единство этнографии, антропологии и археологии, то заключение профессора Преображенского станет для нас не столь неожиданным.

Вторая глава «Материальная культура. Техника орудий. Жилище. Одежда и украшения. Керамика. Средства передвижения» (с. 30—69) дает связную картину человеческой деятельности по всей эйкумене, поступательный ход развития предметов труда и быта, причем в соответствии с установками того времени все факты касаются только жизни «малокультурных» народов.

Третья глава «Хозяйство. Вопрос о первобытном коммунизме. Вопрос об эволюции хозяйства. Собирачество. Охота и рыболовство. Земледелие. Скотоводство. Человеческое хозяйство и его конкретность. Обмен. Деньги» (с. 70—106) не только анализирует перечисленные в заглавии темы, но и сообщает мнения всех авторов, начиная с XVII в. писавших на эти сюжеты.

Современному читателю очень полезно познакомиться с теми страницами книги, которые посвящены проблеме первобытного коммунизма. Учения мыслителей XVII в. (Томас Гоббс) и XVIII в. (Руссо) Преображенский называет «философской утопией». В XIX в., по мнению ученого, произошло смещение представлений: были исследованы аграрные учреждения древних германцев, кельтов и славян, при этом оказалось, что земля у них представляла собственность общины, рода, племени; эти представления об «аграрном коммунизме» были механически перенесены на более ранние эпохи, в первобытные времена (в частности, так характеризовал П. Ф. Преображенский положения книги Бахофена «Материнское право»). «Когда эти утверждения о первобытном коммунистическом строе в раннем обществе столкнулись с научным социализмом, с учением Маркса и Энгельса, то в качестве постороннего ингредиента они перешли и в учение Маркса, не подвергшись предварительному исследованию и проверке. Стало общим местом, что в начале истории хозяйственного и общественного развития стоят социальные учреждения, которые следует назвать первобытно-коммунистическими. ...Весь процесс представлялся в виде трехчленной формулы развития... тезис — первобытный коммунизм, антитезис — частная собственность, синтез — коммунистическое общество»¹². Далее наряду с объективной критикой авторов, писавших на указанные темы (русского экономиста Зибера, германского исследователя Бюхера, классиков английской политической экономии Смита и Рикардо и др.), следует собственное исследование ученого, где все факты строго привязаны и к месту, и ко времени их бытования, рассмотрены в аспекте уровня развития общества. Основные положения П. Ф. Преображенского:

1) «правило, что труд создает индивидуальную собственность, хотя бы и временную, обычно действует на ранних ступенях культуры»¹³; 2) «...коллективные и индивидуальные черты в человеческом хозяйстве выявляются в различной пропорции в определенные исторические эпохи. В прошедшей жизни человеческого общества они находятся в тесном сплетении, причем то одни из них, то другие выступают резче»¹⁴; 3) «...идеологические стороны культуры иногда влияют на хозяйственные»¹⁵; 4) не все виды хозяйства развиваются в строго прогрессивной последовательности, иногда она сменяется регрессом. Как вывод из всего исследования делается заключение о многообразии, сложности (по выражению автора — «эластичности») экономических связей. В этом выводе отразилась огромная эрудиция ученого-историка, владевшего обширными знаниями и о древнем мире, и о развитом обществе, и о законах человеческого бытия в целом.

Четвертая глава называется «Общество и его формы. Теория Фрейда. Критика Моргана. Брачно-групповые отношения в Австралии. Формы семьи. Проблема родового быта. Экзогамия. Системы родства. Тотемизм. Территориальные организации. Орда. Племя. Распадение племенной организации. Первобытная государственность» (с. 107—163). Из этого развернутого заглавия достаточно ясно видно, какие стороны общественной жизни подвергнуты в ней описанию и осмыслению. Привлечены мнения, гипотезы и теории всех известных авторов, начиная от самого Аристотеля. Следует заметить, что теория Фрейда не принята и охарактеризована как искусственная. Работы Моргана подвергнуты тщательному рассмотрению. Главное его положение о том, что род появился раньше, чем семья, которая представляется продуктом сравнительно позднего общественного развития, приняты автором учебника. Возникновение ранней государственности на основе разложения родового и племенного строя «...происходит на почве присвоения себе чужих благ. В этом отношении война является как бы неизбежным спутником организации государственной власти»¹⁶. Предупреждение, весьма полезное для нашего времени!

В последней, пятой, главе, названной «Идеологические связи общества. Религия. Искусство. Язык. Письмо. Счет. Раса и культура» (с. 164—212) значительное место занимает проблема происхождения религии. Это неудивительно: Петр Федорович в своих исторических работах уделял большое внимание ранним формам религии, а также раннему христианству. Как и в предыдущих главах, он добросовестно познакомил читателя со всеми существовавшими на этот счет теориями и проанализировал одну за другой. Анимизм Тайлора, по мнению автора, неприемлем ни со стороны анализа человеческой психики, ни с методологической стороны. П. Ф. Преображенский оспаривает теорию Фрэзера, хотя признает, что она оказала очень большое воздействие на умы исследователей его времени и в значительной степени опровергла анимистическую теорию. По мнению русского ученого, магию нельзя отделять от религии: «...ни одно религиозное действие не лишено магизма. Даже идеально чистые молитвы, идеально чистые жертвы всегда показывают желание человека воздействовать на волю божества»¹⁷. Такому же беспристрастному обзору подверглись работы и других исследователей.

Проф. Преображенский полагает, что раннее религиозное сознание, носившее вполне реалистический характер, базировалось на трех основах; на почитании мертвецов (в наше время принято говорить «предков»), на применении реалистических магических приемов и на представлении о творце мира. Дальнейшее развитие религии представляет собой символизацию религиозного творчества. Возникновение религиозных представлений вызывается, по мнению ученого, наличием напряженностей в жизни данной человеческой группы: внутри самой группы, между группой и внешним миром, а также между группами: «...в ранних формах религиозных представлений человек стремится хотя бы мнимым способом удовлетворить те свои желания, которые он реально удовлетворить не может»¹⁸. Ради этого удовлетворения, в первую очередь — хозяйственных нужд — человек

совершает ряд магических действий и для выполнения этого ритуала создает себе его объект «...вначале было не слово, а дело, как хотел гетовский Фауст. Лишь действие человека творило объект этого действия»¹⁹.

Происхождение христианства П. Ф. Преображенский выводит из аграрных культов Передней Азии и дополняющих их солярных верований.

Переходя к другим разделам этой главы, важно отметить, что профессор Преображенский не был согласен с теорией Марра: «...нельзя без целого ряда насилий над реальной действительностью связать ... результаты лингвистической палеонтологии с данными материальной культуры и этнологии. Этим, может быть, объясняется то обстоятельство, что под термином яфетической теории в настоящее время кроется необычайно пестрый конгломерат идей, противоречащих друг другу»²⁰. Ученый-этнолог, владевший огромным количеством фактов и привыкший к их добросовестной интерпретации, обращал внимание на то, что язык так называемых «малокультурных» народов был богат, связан с целым рядом изобразительных средств, поэтому, настаивал он, «...чрезвычайно трудно строить какую-либо классификацию языков, следуя степени их совершенства»²¹. Как видим, мнение П. Ф. Преображенского вполне соответствует тезису современной филологической науки: такую классификацию принципиально невозможно построить²². Однако в те времена в пору жесткой увязки научных теорий с государственной политикой возражение академику Марру ставило под угрозу саму безопасность оппонента. В последующие годы между «марризмом» и марксизмом ставился прямой знак равенства, этого мнения придерживались многие ведущие ученые в области гуманитарных наук, в том числе и С. П. Толстов, вскоре сменивший П. Ф. Преображенского в качестве теоретика и отчасти организатора этнографической науки в СССР.

Основные принципы науки этнологии, как понимал их профессор Преображенский, были им повторены на совещании этнографов в 1929 г. И так, ровно 65 лет назад состоялось знаменательное событие в истории нашей науки, определившее на годы вперед ее судьбу: в Ленинграде собралось первое совещание этнографов Москвы и Ленинграда (оказывается, в то время в научных учреждениях обоих городов работало всего около 100 этнографов). В президиуме совещания находились ученые, имена которых вошли в историю науки: В. Г. Богораз-Тан, Д. К. Зеленин, А. Н. Максимов, А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург и другие, в числе их — П. Ф. Преображенский и С. П. Толстов. В списке секретариата мы также находим хорошо нам известные имена Н. М. Маторина, С. А. Токарева, М. С. Плисецкого и др.

Первый доклад был поручен П. Ф. Преображенскому — «Этнология и ее метод». В этом установочном докладе Петр Федорович сформулировал основные положения, известные нам из текста его книги: принципиальной разницы между этнологией и этнографией он не признавал, видел в них метод пространственного расширения исторической перспективы за счет специфических источников (вне писаной истории), как этнографических, так и археологических. Таким образом, подтверждалась анучинская «триада».

П. Ф. Преображенский повторил свою критику теории «культурных кругов» и обосновал свое видение «культурного комплекса». Обмен культурными достижениями между этническими общностями был для ученого очевидным фактом, он называл это явление «культурным скрещением», что являлось в его понимании синонимом аккультурации²³.

Второй доклад на конференции, прочитанный В. Б. Аптекарем, «Марксизм и этнология» прозвучал резким диссонансом первому выступлению. Марксистская социология (для докладчика это было то же самое, что и исторический материализм) призвана решать все проблемы происхождения и развития культуры. Следовательно, иная наука, а именно этнология, попросту оказывается ненужной. «Этнические культуры» так же, как и «культурные круги», по мнению докладчика, составляют область конкретного приложения сил этнографов, это не

что иное, как «...социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ...», т. е. опять понятие «социология» покрывает понятие «этнология» и делает его ненужным²⁴.

В резолюции, принятой по докладам П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря, в разных вариантах проводилась одна и та же мысль: «...не существуют и не должны существовать (весьма характерное для того времени выражение — «не должны»! — Ю. И.) такие области общественных явлений, в частности такие культурные факты, которые не могли бы и не должны были бы стать объектом для изучения историка и социолога»²⁵. И далее: советская этнография «...должна строиться как исследование конкретных обществ, главным образом тех из них, которые и поныне находятся на ранних стадиях развития...»²⁶. Определения наук «социология», «история», «этнография», «этнология» в этой резолюции даны настолько нечетко, что понять суть дискуссии (кроме многократного подтверждения приверженности принципам марксистского диалектического материализма) современному читателю весьма трудно. Не случайно Петр Федорович не смог согласиться с такой резолюцией и записал особое мнение: «...я считаю, что в данной резолюции дана расплывчатая и неточная оценка этнологических учений ... и поэтому не могу присоединиться к резолюции в данной ее форме»²⁷. Позже эта принципиальная позиция ученого, отстаивавшего свои взгляды, выработанные годами, и не умевшего быстро поворачиваться «по курсу», не раз ставилась Преображенскому в вину.

Последующие доклады на конференции — Богораза-Тан, Куфтина и других — касались организации полевой и музейной работы этнографов и не затрагивали принципиальных формулировок. Н. М. Маторин и С. П. Толстов говорили об изучении современного общества, в частности советской деревни.

Уже из столкновений мнений на первой конференции этнографов становится очевидным, что огромная эрудиция проф. Преображенского, соединявшего знания историка и этнолога, давала ему возможность видеть мир во всей совокупности событий и фактов, и в то же самое время не позволяла безотказно следовать за признанными авторитетами. Такая позиция не могла не раздражать современников из числа тех, кто без особых собственных размышлений придерживался догм марксизма и марризма — так было проще существовать в то время в научной среде.

Не лучше обстояло дело и в учебном процессе.

Петр Федорович, будучи сам широко образованным человеком, проявлявшим живой интерес ко многим отраслям знания, наделенный аналитическим умом и литературным даром, стремился и молодым своим ученикам привить вкус к многосторонним знаниям и теоретическим обобщениям. К сожалению, уровень тогдашнего студенчества не был достаточен для того, чтобы отвечать высоким требованиям наставников. Студенты и аспиранты, особенно из числа «выдвиженцев», предпочитали «прорабатывать» своих профессоров, находя в их работах недостаточный уровень марксистской методологии²⁸, а если говорить по существу — отсутствие входившего в силу «марксистского» догматизма. Что правда, то правда: догматизма в работах проф. Преображенского нет. Касаясь любой научной проблемы, он самым добросовестным образом рассматривал мнения всех писавших на эту тему специалистов (Маркса, Энгельса и их последователей объективно наряду со всеми остальными) и только после этого высказывал свою точку зрения.

В 1930 г. вышел в свет новый журнал «Советская этнография», орган АН СССР и Сектора науки Народного комиссариата просвещения РСФСР. Место акад. С. Ф. Ольденбурга в качестве ответственного редактора занял Н. М. Маторин — первый директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Его установочной статьей «Современный этап и задачи советской этнографии» открывался первый в 1931 г. сдвоенный номер журнала²⁹. Спор о содержании науки этнографии был решен: «...этнография растворяется нацело в истории и специальных или частных исторических дисциплинах. Термин „Этнография“

может поэтому сохранить условное значение для этой части исторического анализа, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»³⁰. Мнение о том, что этносы могут существовать в капиталистической системе, кажется Маторину «анекдотическим».

Н. М. Маторин строго отчитывал профессора Преображенского за то, что тот ставил знак равенства между этнологией и этнографией, назвал такую позицию «эkleктической». Равным образом он отрицал обоснованность понятий, введшихся Преображенским, — «культурный комплекс», «технично-хозяйственная площадь», «ареал», видя в них скрытую последовательность принципам культурно-исторической школы. «Ответвлением» этой школы он назвал «группу Преображенского»³¹. Одновременно досталось Преображенскому за критическое отношение к первобытному коммунизму.

Итоги дискуссии известны: в 1931 г. был закрыт Этнологический факультет (историческое образование было восстановлено в 1934 г. открытием в МГУ Исторического факультета). В Большой Советской энциклопедии появилась статья: «Этнология — термин буржуазной этнографической науки, отвергнутый марксистско-ленинской этнографией»³². Статья «Этнография» в этом же томе не имеет авторской подписи. Вот ее начало: «Этнография, наука, изучающая экономику, общественно-политический уклад, быт и проч. народов, стоящих на различных, часто довольно ранних ступенях докапиталистического развития...»³³ В этой же статье осуждена «группа идеологов либеральной буржуазии», к которой «отчасти» причислены Преображенский, Куфтин, Богданов. Им ставился в вину «...лозунг некритического восприятия буржуазного наследства („от классиков к марксизму“)». В списке литературы к этой статье работы П. Ф. Преображенского не указаны.

В январе 1933 г. Петр Федорович был арестован. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вменило ему в вину «антисоветскую пропаганду». Приговор — три года ссылки, но условно. Из-под стражи был освобожден и, по всей вероятности, вскорости обвинение было снято, так как в этом же году проф. Преображенский выезжал на Международный конгресс историков в Варшаве в составе делегации, возглавлявшейся акад. В. П. Волгиным. Это было второе в его жизни делегирование на конгресс подобного рода: в первый раз выезжал в Осло в 1928 г. Если учесть, что в те времена ученые не часто принимали участие в международных научных съездах за рубежом, то станет ясно: авторитет профессора не был поколеблен.

Портрет профессора Преображенского не будет полным, если не коснуться его деятельности вне Этнологического факультета. Он был знатоком истории древнего мира. В 1926 г. вышла в свет его первая книга «Тертуллиан и Рим»³⁴ — о христианском теологе и писателе конца II — начала III в. н. э., одного из основателей христианского богословия. Разверстывая картину жизни Римской империи в эпоху начала ее упадка, П. Ф. Преображенский обозначал место христианской религии в общей истории мировой культуры. Уже в этой ранней работе сказался его талант полемиста.

В конце 1920 — начале 1930-х годов Преображенский написал целую серию «Предисловий» к различным изданиям (в большинстве — академическим) древних авторов и к книгам, написанным на античные сюжеты: в этом списке «Илиада» и «Одиссея» Гомера, здесь и «Оды» Горация и многое другое вплоть до «Саламбо» Флобера и «Спартака» Джованьоли Рафаэлло. Предназначенные для самого широкого читателя, эти небольшие статьи написаны занимательно, легким, изящным языком, начертанные образы людей древнего мира запоминаются даже неискушенному читателю. Книга же о Тертуллиане читается как увлекательный исторический роман.

В эти же годы П. Ф. Преображенский сотрудничал в 1-м издании Большой Советской энциклопедии — редактировал разделы «Древняя история» и «Антропология и этнография». Это была чрезвычайно напряженная работа: ежегодно

выходили два-три тома. Среди статей, написанных самим Петром Федоровичем, выделяется «Евангелия»³⁵. Ученый датирует окончательное оформление новозаветного канона IV в. н. э., характеризует Евангелия как «историзованные мифологические произведения». Им написаны были также статьи «Цезарь»³⁶ и многие другие.

Неожиданным представляется интерес к сюжетам по истории общественных отношений новейшего времени. Например, статья об Учредительном собрании была написана еще в начале научной карьеры³⁷. Затем последовал «Очерк истории современного империализма»: автор полагал, что империализм — это «...заключительная стадия капиталистического общества. Его предел — лишь революция. И, по всей вероятности, как результат новой мировой войны»³⁸.

Наконец, надо упомянуть о критических заметках по поводу выходящих в ту пору книг. Их много — около 40, касаются самых различных изданий в области истории и культуры, опубликованы преимущественно в журнале «Печать и революция»³⁹ в 1921—1928 гг. Они интересны тем, что характеризуют популяторский талант ученого.

Таков в самом кратком виде очерк научной деятельности русского ученого Петра Федоровича Преображенского. Его имя должно занять подобающее место в истории отечественной науки.

Примечания

¹ Преображенский П. Ф. В мире античных идей и образов. М., 1965. Под ред. С. Д. Сказкина и С. Л. Утченко. Предисловие Е. М. Штаерман.

² Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 435—436.

³ Кагаров Е. Г. Пределы этнографии // Этнография. 1928. № 1; Струве В. В. Советская этнография и ее перспективы // Сов. этнография (сб. ст.) 1939. № 2.

⁴ Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование в московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ) // Сов. этнография. 1990. № 2.

⁵ Преображенский П. Ф. Курс этнологии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 214 с. На титульном листе обозначено: Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов.

⁶ Там же. С. 114.

⁷ Там же. С. 114—115.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 29.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 73.

¹³ Там же. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Там же. С. 207.

²¹ Там же. С. 209.

²² Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Вестн. МГУ. 1992. № 3. Сер. 9, филология. Разд. Филологическое наследие. С. 58—75.

²³ Этнография. 1929. № 2. С. 114—115.

²⁴ Там же. С. 116.

²⁵ Там же. С. 117.

²⁶ Там же. С. 118.

²⁷ Там же. С. 118.

²⁸ Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Указ. раб. С. 81—82.

²⁹ Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 3—38.

³⁰ Там же. С. 20.

³¹ Там же. С. 12.

³² БСЭ. Т. 64. М., 1934. Ст. 789.

³³ Там же. Ст. 776.

³⁴ Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим: Опыт по истории первохристианства и ранне-христианской церкви. М., 1926. 204 с. index. Рец.: «Печать и революция». 1927, кн. 2. С. 149—150; «Историк-марксист». 1927. № 6. С. 227—236.

³⁵ БСЭ. Т. 23. М., 1931. Ст. 804—808.

³⁶ БСЭ. Т. 65. М., 1931. Ст. 175—178.

³⁷ Преображенский П. Ф. Учредительные собрания на Западе и Русское народное собрание// Народные беседы. № 8. М., 1917.

³⁸ Его же. Очерки истории современного империализма// Педагогические курсы на дому. № 1—3. М., 1926.

³⁹ Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Гос. изд-во. При ближайшем участии А. В. Луначарского, Н. Л. Междерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, И. И. Степанова-Скворцова.

Piotr Fyodorovich Preobrazhensky (to the Centennial of a Scholar)

The article is a biographical sketch of scholarly activities of an outstanding Russian historian and ethnologist, professor of Moscow University Piotr Fyodorovich Preobrazhensky (1894—1941).

Yu. V. Ivanova